

Творческий портрет

ОБАЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

ГЕНРИКАС КУРАУСКАС

ВМЕСТЕ они спускаются по лестнице недавно выросшего в районе Антакальниса дома, вместе улыбаются солнцу. По обеим сторонам улицы разместились высокие, светлые здания, впереди — блестящая полоса реки, а над головой — неба синий шелк, отражающийся в голубых, точно две огромные капли моря, глазах Юрги. И для него ничего не существует вокруг, кроме этих огромных чудо-капель и нежных ее рук.

На актерском языке такая сосредоточенность называется малым кругом внимания. А он — очень хороший актер, этот человек, заботливо склонившийся над детской коляской. Ведь Юрга — маленькая дочурка артиста Академического театра драмы Литовской ССР Генрикаса Кураускаса — его большая радость.

Легкий ветер колышет ветви деревьев, пожелтевшие листья падают на траву и каменные плиты пешеходных дорожек залетают в коляску Юрги... Кончается осень... Как быстро летит время! Казалось, совсем недавно таким же крохотным был Юлюс — сын. Теперь уже школьник. Вырастет ли он похожим на того, чье имя будет столько воспоминаний?

Ленинград... Идут съемки кинофильма «Юлюс Янонис». Набережная Невы... Здесь бродил поэт весной 1917 года после освобождения из тюрьмы, здесь провел последние часы перед кончиной, здесь рождались строки его знаменитого прощального стихотворения, которым он приветствовал рассвет новой жизни.

Как передать все это? Как выразить боль поэта за судьбу своего народа, страдавшего под игмом социального и национального угнетения? Как показать на экране его необычайную целеустремленность, щедро одаренную натуру, где с детской чистотой

и непосредственностью зочетались воля и мужество борца?

Много вопросов и проблем возникло тогда перед молодым литовским актером — сыном рабочего из Каунаса. Снова и снова перечитывал он стихи поэта, жадно выслушивал тех, кто был лично знаком с Янонисом, стараясь не пропустить в их словах малейших деталей. Вспоминал и рассказы отца — бывшего рабочего Путиловского завода, прошедшего в юности в революционном Петрограде школу пролетарской солидарности. Не потому ли и во время фашистской оккупации Литвы отец рисковал не только своей, но и жизнью мало-

летнего сына, спасая советских людей от преследования гитлеровцев?

Какой же огромной силой убеждения и примера должны обладать те, кто воспитывал в трудящихся такую волю к победе, такую веру! И один из них — Юлюс Янонис, поэт, человек, коммунист. Такой ясный, простой — воплощение правды, и рассказ о нем должен быть правдивым.

Еще в юности Генрикас Кураускас сыграл не одну роль из тех заветных, о которых иные актеры мечтают десятилетиями — это Незнаком в пьесе А. Островского «Без вины виноватые», Фердинанд в драме Шиллера «Коварство и любовь». Позже — драматургия Ибсена и гениального Шекспира. Чтобы хорошо играть Освальда в «Привидениях» Ибсена и Гамлета в одноименной трагедии Шекспира, мало непосредственности и пылкости юношеского темперамента, необходимо было постичь, сложнейшие психологические ходы пьесы и роли, «проверить алгебру гармонии». Актер настойчиво трудился, добываясь своего, оригинального прочтения образа. Все эти роли дороги ему, каждая из них требовала большого напряжения творческих сил, воли и энергии, но самая глубокая и нежная любовь его сердца навсегда безраздельно была отдана юноше-поэту.

Работа над образом Юлюса Янониса, которую Генрикас Кураускас продолжил в спектакле Академического театра драмы Литовской ССР «Полюбил я неба синеву», получила широкое признание, была отмечена Государственной премией республики, стала творческим итогом целого периода жизни. Генрикасу Кураускасу было присвоено звание заслуженного артиста Литовской ССР.

Как-то, беседуя со школьниками о своей работе над образом Юлюса

Янониса в кино и театре, он сказал, что у поэта были необыкновенные, редкой выразительности глаза, и что самым трудным было «найти» эти глаза. Ведь именно во взгляде человека больше всего отражаются его сущность, характер, темперамент.

Глаза самого актера светлые и добрые, в жизни будто бы ничем не примечательные, на сцене отражают свет многих жизней: глубокие, ищущие, то невыразимо грустные, объятые тревогой и скорбью, то вдохновенные, любящие, то гневные и непримиримые — они передают малейшие колебания мыслей, тончайшие оттенки чувств. Оттого-то так выразителен Генрикас Кураускас в зонах молчания. Он великолепно владеет паузой, передавая в ней сложнейшие психологические переживания точнее и глубже, чем иной актер в большом монологе. Внешний пластический рисунок его ролей всегда скромен, отличается изяществом и полностью гармонирует с внутренним содержанием образа.

Когда задумываешься над тем, что главное в творческой индивидуальности Генрикаса Кураускаса, то невольно приходишь к мысли, что в основе его дарования, выделяя его среди многих, придавая его таланту такую притягательную силу, лежат простота и человечность. Именно эти черты: предельная психологическая оправадность, поведения его героев ясность мышления и неподдельность чувств самого актера, страстность и поэтичность его мироощущения — привлекают глубокие симпатии зрителей.

В большинстве своем его герои — это люди беспокойные, ищущие смысла жизни, утверждающие правду на земле — наделены лучшими человеческими качествами: добротой, мужеством, страстью к познанию, честностью. Таков парторг Савельев в инсценировке романа Д. Павловой «Совесть», таков Юлюс Янонис, Юргялис в драме Б. Сруоги «Доля предвещанная». Но даже те из его героев, кого никак нельзя зачислить в ранг положительных, по-своему дороги ему, и он старается раскрыть в них доброе начало, рельефнее определить светлоты.

Как ни озабочен на людей и жизнь Федор Таланов («Нашествие» А. Леонина), но в минуту опасности для Родины чувства человека и патриота заговорили и в нем. В его Актере из пьесы Горького «На дне», пусть на мгновение, просыпается потребность человеческого и творческого самоутверждения, и Кураускас дает нам возможность увидеть в этом опустившемся босяке человека талантливого в прошлом.

И в то же время артист беспощаден в эмоциональных оценках образа классовых врагов. Так, в фильме

сметворскому офицеру Шаткаускасу в кинофильме «Лестница в небо» по одноименному роману М. Слудкиса Генрикас Кураускас именем своих современников выносит суровый приговор. Даже во внешнем рисунке этого образа как бы подчеркивается духовное ничтожество — обреченность представителя отмирающего мира: тусклый взгляд, вздвухающиеся от бессильной ярости, злобы веки на лбу, походка человека, потерявшего в жизни устойчивость — все это говорит о беспочвенности реваншистских мечтаний врага, о том, что у таких, как он, нет будущего на советской земле.

Будущее за теми, кто слил свою судьбу с судьбой своего народа, кто, не жалея сил и жизни своей, боролся за его освобождение.

«Если бы у меня было сто жизней, я бы все их отдал за счастье народа!», — бросает на суде в лицо палачам Юозас Грейфенбергерис в новом спектакле Академического театра драмы Литовской ССР «Если бы сто жизней...» Ю. Бутенаса и А. Кярнагиса. Роль эту с большой силой убедительности исполняет Генрикас Кураускас. Процесс работы над спектаклем был нелегким, так как в окончательном варианте во время репетиций рождалась и сама пьеса. И хотя Генрикасу Кураускасу в большей степени, чем другим исполнителям, удалось проникнуть в суть происходящих событий и действовать в спектакле точно и выразительно, сам он не считает работу завершенной и каждый раз, готовясь к спектаклю, feels, сознавая высокую степень своей гражданской ответственности перед зрителем.

...Близится вечер. Снова выходит из дому актер. Встречу ему спешат люди, только что закончившие свой трудовой день. Но он не замечает сейчас ни подернутого легкими тучками облаками неба, ни движущихся ему навстречу или шагающих рядом людей, хотя именно для них собирает свои мысли, волю и сосредоточивает их на далеких, трагических событиях 1926 года. Перед его внутренним взором проходят картины старых рабочих окраин Вильнюса, Каунаса, Паневежиса, суровые эпизоды работы большевистского подполья в буржуазной Литве, мрачные тюремные коридоры и камеры, где ждали казни отважные сыны литовского народа — Каролис Пожелла, Юозас Грейфенбергерис, Раполас Чарнас и Казис Гедрис. Он должен рассказать сегодня зрителям о Юозасе Грейфенбергерисе; стать им на короткие часы спектакля. И снова — малый круг внимания, а в нем целый мир мыслей, борений и чувств.

А. ИЛЬИНА.